

Г.У. ХАДЖИЕВА

Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова КН МОН РК,

ведущий научный сотрудник, кандидат экономических наук

НЕКОТОРЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ФОРМИРОВАНИЯ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ СТРАН ВОСТОКА

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые концептуальные положения, характеризующие специфику модели социально-экономической модернизации восточных стран. Автор отмечает, что исключительно важным опытом «азиатской» модели было развитие потенциала организационных возможностей государства, а также способность духовной культуры Востока использовать и развивать достижения западного мира в производстве, торговле и рыночных отношениях, не жертвуя при этом своими традициями.

Ключевые слова: модель, экономическая модернизация, государственное регулирование, восточные страны, духовная культура.

Кілт сөздер: үлгі, экономикалық жаңалау, мемлекеттік реттелу, шығыс елдері, рухани мәдениет.

Keywords: model, economic modernization, government regulation, eastern countries, spiritual culture.

Вопросы системной трансформации, особенностей моделей социально-экономической модернизации, экономической роли государства, социальной ориентации реформ не сходят последнее время с повестки дня. Закономерно, что зарождение новой эпохи совпало с вовлечением в мировые процессы все большего числа стран, перед которыми встала задача привести свой социально-экономический уровень в соответствие с мировым. Единственным способом ее решения могла стать модернизация, ускоряющая развитие. Изучение опыта развивающихся стран Востока стало одним из важнейших направлений фундаментальных исследований зарубежного и отечественного востоковедения. Оно концептуально важно как для понимания основных закономерностей процесса модернизации, так и для более полного представления о воздействии мирового глобализирующегося хозяйства через рынок и НТП на эволюцию социальной и экономической структуры восточного общества.

Несмотря на усиливающуюся тенденцию глобализации и регионализации, национальные государства по-прежнему являются главным местом проживания людей, и отношения между ними и внутри них остаются главными чертами человеческого существования. В работах известного теоретика, профессора Питтсбургского университета Рональда Робертсона подчеркивается, что «в некоторых аспектах мир становится очень однородным. Но в то же время эта однородность подкрепляется различием. Мы можем говорить об однородности внутри различия... Глобализация не может происходить без глобального распространения идей и моделей, адаптируемых к

особенным обстоятельствам...Селективный отбор и инкорпорация новых экономических, социальных, политических и составляет основу процессов глобализации (Robertson R., Whit K., 2004, p. 11).

Для западных общественных наук можно выделить такую постоянную черту как ориенталистская парадигма. Представитель кембриджской востоковедной школы Брайн Тернер определяет ориентализм как способ мышления, устанавливающий глубокие различия между стагнирующим, иррациональным и отсталым Востоком и изменяющимся, рациональным и развивающимся Западом (Turner B.S., p. 42,43). Ориентализм вырабатывает основные характеристики восточного общества: деспотическая власть, отсутствие социальных изменений, патримониальная система управления и иррациональность. Концепция деспотизма на Востоке была тесно связана с теорией К. Маркса об «азиатском способе производства». Особенности социально-экономической организации восточных обществ, деспотическая форма власти, сила и авторитет традиций и религии определили, по мнению многих европейских ученых, стационарность этих обществ. Таким образом, ориенталистский дискурс создал постоянные социальные и экономические различия между Западом и Востоком. В этой схеме «Восток – это негативное отражение Запада» (Turner B.S., p. 46).

Однако ориентализм оставляет открытым вопрос о взаимном влиянии западной и восточной моделей. Тернер приходит к выводу о том, что в настоящее время существует гораздо большее осознание разнообразия и сложности восточных обществ, исключаящее эссенциалистское видение Востока.

Ориентализм был основан на бинарных различиях (мы – они, Запад – Восток, рациональное – иррациональное). Возможно, необходим иной дискурс сравнения, который подчеркивает связи и преемственность обществ, а не их антагонизм. В связи с критикой ориентализма у научного сообщества возникает серьезная проблема выработки ясной и четкой альтернативы, признающей равноправие различных подходов, позиций и мировоззрений. Возможно, глобальная перспектива требует отказа от ошибочных дихотомий Запад-Восток и Север-Юг.

В исследованиях американского ученого Лухмана рассматривается тесная связь модернизации и глобализации (Luchman N., 1990). Постепенный и эндогенный переход к современному обществу на западе характеризуется размыванием, разрушением доминирования стратифицированной дифференциации общества и развитием различных институциональных сфер, в которых деятельность людей определяется функциональной рациональностью. Наиболее характерная черта стратифицированного общества – доминирование верхних правящих слоев, не только контролирующей большую часть экономической, политической и других форм социальной власти, но также определяющих эффективные границы общества. Стратифицированная дифференциация не исключает существование и значение такой функциональной дифференциации, как экономическое разделение труда или специализированных институтов (политическая бюрократия в КНР, религиозные организации на Ближнем Востоке, кастовое общество в Индии).

Гипотезу, позволяющую обойти проблему «модернизация – вестернизация» путем введения положения о многообразии моделей модернизации выдвинул Бенджамин Нельсон (Nelson B., 1981). Позднее она была поддержана другими авторами (Touraine A., 1988, p.25,366; Attali J., 1990, p.65-66). Концепция множества моделей модернизации соответствует понятию историчности модернизации, применимому к опыту Восточной Азии, где модернизация развивается по иному пути, нежели на Западе.

Однако множественность центров особого развития по-прежнему базируется на центризме. Нет принципиальной методологической разницы в замене европоцентризма, к

примеру, синоцентризм, индоцентризм или афроцентризм. На наш взгляд всевозможные центризмы – это односторонний узкий взгляд на мир. Общей характеристике развивающихся стран соответствует сосуществование и взаимопроникновение доиндустриального, индустриального и постиндустриального типов производительных сил. Поэтому противопоставляемая идее дуалистической экономики (традиционное – современное) точка зрения, выражающая смешение различных, самостоятельно существующих феноменов, требует разработки теории гибридности.

Для более точного понимания феномена гибридности экономик можно выделить два концепта экономик (см.: схема 1.). Первый – экономика I – рассматривает экономику как явление строго территориальное, локальное, т.е. экономику конкретной страны. Второй – экономика II – определяет экономику как транснациональный процесс эволюции и диффузии. Оба концепта не являются несовместимыми. Экономика II находит свое выражение в экономике I, но при этом каждая из них подчеркивает различные акценты в формировании экономики. Взаимоотношение экономик можно рассматривать в статичном плане (экономики сохраняют свою обособленность при взаимодействии) и во флюидном аспекте (происходит взаимопроникновение экономик).

Схема 1.

Может быть самым замечательным проектом периода соперничества двух мировых систем была концепция «конвергенции» (Дж. Гэлбрейт, У. Ростоу, П. Сорокин, Я. Тинберген и др.). Поиск синтеза двух разных, во многом противоположных начал: рыночного и нерыночного, индивидуального и коллективного, децентрализованного и централизованного, стихийного и планового приводит к появлению понятия смешанной экономики. Чтобы лучше понять особенности смешанной системы, необходима новая исследовательская парадигма, поскольку она не может быть сведена к частной

дисциплине, а изучает взаимодействие различных сфер общества, экономики, политики, социологии, культурологи и других.

Сегодня уже нетрудно увидеть, что из теории конвергенции неизбежно выростала теория и практика «третьего пути». Многие в моделях и социально ориентированной рыночной экономики стран Западной Европы, и социалистического рыночного хозяйства Китая есть не что иное, как прообразы «третьего пути». Не вызывает сомнений, что у политического руководства КНР и других азиатских стран, сумевших провести свои общества через ускоренную модернизацию, найдутся весомые аргументы для защиты «азиатской» модели устройства постиндустриального общества.

По словам Н.А. Симонии, странам Востока «приходится решать двуединую задачу: с одной стороны, трансформации колониального синтеза и интеграции части его структур в современный капиталистический способ производства, а с другой – «обволакивания» архаичных традиционных структур, их постепенной модернизации и на этой основе вовлечения в орбиту современного способа производства» [Л.И. Рейснер, Н.А. Симония, 1984, с. 273].

Несмотря на разные подходы к экономическим преобразованиям, практически для всех восточноазиатских стран можно выделить, по крайней мере, две общие особенности модели социально-экономической модернизации.

Во-первых, исключительно важным опытом «азиатской» модели было развитие потенциала организационных возможностей государства, особенно в переходный период. Никакой иной институт современного общества кроме государства не в состоянии мобилизовать ресурсы и организовать усилия нации на решение целого комплекса задач в экономике, науке, технике, образовании, здравоохранении и других сферах. Всякие теоретические предположения и практические рекомендации по сокращению активности и многофункциональности государства с целью повышения экономической эффективности может иметь своим следствием «отмирание» важнейших направлений развития общества, определяющих его будущее.

Во-вторых, в конце XX в. была создана новая ситуация, доказывающая способность духовной культуры Востока использовать и развивать достижения западного мира в производстве, торговле и рыночных отношениях, не жертвуя при этом своими традициями. В ходе изучения проблемы происхождения «восточноазиатского экономического чуда» нельзя ограничиться анализом экономических причин, ответы на многие вопросы дает ее изучение с точки зрения «культуры». Сегодня ни у кого не вызывает сомнения, что культура оказывает прямое воздействие на экономику. Основоположниками данного подхода являются японский ученый и практик С. Эйдзи и немецкий ученый М. Вебер. Любая модель экономики и политики может существовать и развиваться только в определенной культурной среде. Поэтому, когда речь заходит о феномене «восточноазиатского чуда», то причины связаны с особенностями традиционной культуры, т.е. с «восточноазиатским конфуцианством».

В большинстве восточноазиатских стран сегодня принят официальный курс на строительство «эпохи культуры» как феномена современной цивилизации. Получается некий парадокс: чем более открытыми миру становятся «азиатские драконы», тем большую роль в их политической культуре начинают играть традиционные конфуцианско-буддийские ценности. Так же как протестантство на Западе, конфуцианство пропитывает модель поведения людей в Восточной Азии. Оно составляет основу общественной и личной жизни, определяя в деталях поведение во всех видах человеческих взаимоотношений, на всех уровнях социального порядка. Некоторые элементы традиции можно воспринимать как тормоз для эффективного ведения бизнеса, но многие исследователи сходятся во

мнении, что в этом регионе традиционность способствует экономическому успеху (Просеков С.А., 1999, с.72).

С моделью социально-экономической модернизации восточноазиатских стран, не принадлежащих к западной цивилизации и не обладавших в прошлом развитыми рыночными институтами, связываются надежды восполнить утраченные навыки коллективизма и духовности, ценность которых сегодня проявляется в самых разных сферах. Концепция перехода от традиционного общества к современному, взаимодействие Восток-Запад и сильная регулирующая роль государства, оказались применимы к восточным обществам, где эти три составляющие объединились и образовали принципиально новую модель развития.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Robertson R., Whit K. Globalization: An overview // Globalization: Grit. Concepts in sociology / Ed. bi Robertson R., Whit K. – L.: N.Y.: Routledge, 2004. – Vol. 1. – P. 11-44
- 2 Turner B.S. From orientalisme to global sociology // Ibid. – Vol. 5. – P. 41-52
- 3 Luchman N. The World society as a social system // Essays on self-reference. – N.Y.: Columbia University. – 1990. – P. 175-190
- 4 Nelson B. On the roads to modernity. – Totowa; N.Y.: Row & Littlefield. – 1981
- 5 Touraine A. Critique de la modernité // International Social Science Journal. – P., 1988, November, № 118
- 6 Attali J. Lignes d' horizon. – P., 1990
- 7 Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного / Отв.редакторы Л.И. Рейснер, Н.А. Симония. – М., 1984
- 8 Просеков С.А. Конфуцианство - духовное начало и экономическое процветание // Вестник финансовой академии. – 1999. - №3

SPISOK ISPOL`ZOVANNYYH ISTOCHNIKOV

- Robertson R., Whit K. Globalization: An overview // Globalization: Grit. Concepts in sociology / Ed. bi Robertson R., Whit K. – L.: N.Y.: Routledge, 2004. – Vol. 1. – P. 11-44
- Turner B.S. From orientalisme to global sociology // Ibid. – Vol. 5. – P. 41-52
- Luchman N. The World society as a social system // Essays on self-reference. – N.Y.: Columbia University. – 1990. – P. 175-190
- Nelson B. On the roads to modernity. – Totowa; N.Y.: Row & Littlefield. – 1981
- Touraine A. Critique de la modernité // International Social Science Journal. – P., 1988, November, № 118
- Attali J. Lignes d' horizon. – P., 1990

Jevoljucija vostochnyh obshhestv: sintez tradicionnogo i sovremennogo / Otv.redaktory L.I. Rejsner, N.A. Simonija. – M., 1984

Prosekov S.A. Konfucianstvo - duhovnoe nachalo i jekonomicheskoe procvetanie // Vestnik finansovoj akademii. – 1999. - №3

Резюме

Хаджиева Гүлжахан Усманқызы

Шығыс елдерінің әлеуметтік-экономикалық жаңалау моделін

өндірудегі кейбір тұжырымдамалық параметрлері

Мақалада шығыс елдерінің әлеуметтік-экономикалық модернизация моделінің ерекшеліктерін сипаттайтын кейбір концептуалдық жағдайлар қарастырылады. Автор «азиялық» моделдің ерекше маңызды тәжірибесі мемлекет потенциалын ұйымдастырудағы мүмкіндіктерін дамытуда, сондай-ақ Шығыстың рухани мәдениеті қабілеттілігін өндірісте пайдалану мен дамытуда батыс елдерінің өндірістегі жетістіктері сауда және нарықтық қатынаста дәстүрге кері әсерін тигізбеу керектігін атап өтеді.

Summary

Gulzhahan U. Khadzhiyeva

Some conceptual parameters for the formation of social-economical modernization countries of the East

The article discusses some conceptual principles that characterize the specific model of social and economic modernization in the eastern countries. The author notes that the most significant experience of the Asian model was the development of the organizational potential of the state, and the ability of the spiritual culture of the East to use and build on the achievements of the Western world in the production, trade and market relations, while not sacrificing their traditions.

Поступила 04.03.2013 г.